

Д. В. Прошин,
к. и. н., доцент кафедры политологии, социологии и гуманитарных наук,
Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля,
г. Днепропетровск, Украина

ДЭВИД РАПОПОРТ, ТЕРРОРИЗМ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЖИХАДИСТЫ

На материале т. н. европейского «доморощенного джихадизма» в статье подвергается критике известная волновая теория трансформации терроризма, выдвинутая Д. Рапопортом. Автор исходит из того, что в том случае, если волновая теория работает, она должна убедительно объяснять феномен европейского джихадизма, представляющего собой, согласно логике Рапопорта, часть четвертой – религиозной – волны терроризма (последнего на данный момент всплеска террористического насилия). Однако проведенный анализ показывает, что волновая теория не способна этого сделать, что она лишена методологической глубины и является в лучшем случае схематичным – причем нередко искаженным – описанием сложных процессов генезиса и трансформации терроризма.

Ключевые слова: волновая теория терроризма; терроризм четвертой волны; религиозный терроризм; европейский джихадизм.

Постановка проблемы. Последние десятилетия отмечены особенно активным обсуждением вопросов о возникновении, развитии и видоизменении форм и методов террористического насилия. Спектр высказываемых оценок очень широк. В то время как одни исследователи говорят о том, что сегодня мы имеем дело с беспрецедентным всплеском террористической опасности, другие, более осторожные, высказываются против преувеличения масштабов современной террористической угрозы и ее качественной новизны [1].

В ряду теорий, создатели которых пытаются проследить тенденции генезиса и эволюции террористического насилия, заметное место занимает волновая теория Д. Рапопорта, профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. В своей работе [2] этот известный американский терролог утверждает, что в 1880-х гг. мир впервые столкнулся с подлинно международным терроризмом (до того времени все проявления терроризма, например действия «Ку-клукс-клана», оставались внутренними, локальными феноменами). Отличительной особенностью международного терроризма Рапопорт называет его волновую динамику. С конца XIX в. и до сегодняшнего дня, согласно волновой теории, сменилось четыре (иногда накладывавшихся друг на друга) волны террористического насилия, влияние которых одновременно ощущалось в разных странах и даже на разных континентах. Эти волны Рапопорт определяет как анархистскую (с 1880-х до начала 1920-х гг.); антиколониальную (с 1920-х до начала 1960-х гг.); волну леворадикального терроризма (с 1960-х гг. до конца XX в.); и волну религиозного терроризма (с 1979 г. по настоящее время). Каждая из волн якобы приводится в движение «общей доминирующей

энергией», источником которой является тот или иной политический конфликт [2]. Этой «энергией» и определяются общемировые тенденции в динамике террористического насилия на очередном этапе.

Работа Рапопорта удостоилась названия «одного из наиболее важных исследований, когда-либо появившихся в необозримой литературе по проблеме терроризма» [3, с. 44]. Однако при детальном ознакомлении с волновой теорией обнаруживается, что она не столько приближает к правильному пониманию природы терроризма и претерпеваемых им изменений, сколько препятствует такому пониманию.

Анализ последних исследований и публикаций. Террологическая литература действительно «необозрима» (по данным британского исследователя Э. Силке, в мире только на английском языке *каждые шесть часов* публикуется одна книга о терроризме [цит. по: 4, с. 17]), поэтому рискованно утверждать, что идеи Рапопорта никогда ранее не подвергались критике. Вместе с тем в ряде серьезных публикаций, на страницах которых дискутировались проблемы генезиса и трансформации терроризма, и где, следовательно, можно было ожидать появления подобной критики, никаких замечаний в адрес волновой теории не прозвучало [5; 6; 7; 8]. В то же время идеи Рапопорта нередко становятся частью рассуждений других авторов; на их основе строятся диссертационные исследования; опубликован, как минимум, один сборник работ, написанных под влиянием этих идей [9; 10; 11].

Формулировка целей статьи. На фоне популярности волновой теории и при отсутствии заметных попыток ее критического анализа очевидна потребность в переосмыслении научной ценности идей Рапопорта и их применимости в противо-

действию терроризму. Ранее нами был предложен общий критический обзор этих идей [12], в рамках которого упор делался на рассмотрение аргументов, касавшихся трех уже схлынувших волн. Здесь предлагается проверить теорию Рапопорта на материале, относящемся к четвертой волне – волне религиозного терроризма, – якобы представляющей собой тренд, доминирующий сегодня в динамике террористического насилия.

Непосредственным же предметом рассмотрения станет феномен исламского терроризма в Европе (той разновидности исламского терроризма, английское название которой – *homegrown jihadism* – несколько неудачно переводится как «доморощенный джихадизм»). Речь, иначе говоря, идет о мотивах, характере и формах террористической деятельности мусульман, родившихся или долгое время живущих в европейских странах и, как правило, там же совершающих теракты (как, например, четверо молодых британцев пакистанского и ямайского происхождения, ответственных за серию терактов в Лондоне в 2005 г.).

Изложение основного материала статьи. Важно подчеркнуть, что ни для Рапопорта, ни для его последователей религиозный терроризм не тождественен терроризму исламскому. Еще в 1984 г., до того, как были сформулированы положения волновой теории, Рапопорт опубликовал статью, в которой попытался обозначить элементы террористического насилия в историческом прошлом трех «религиозных традиций» – иудаистской (сикарии-кинжалщики), исламской (исмаилиты-ассасины) и индуистской (туги, почитатели богини смерти и разрушения Кáли) [13]. Несмотря на свою неоднозначность¹, приведенные примеры свидетельствуют о стремлении автора рассматривать проблему религиозного терроризма в разных ракурсах. Впоследствии, уже непосредственно очерчивая четвертую – религиозную – волну терроризма, Рапопорт, наряду с исламским терроризмом, отнес к ее проявлениям действия иудаистских и христианских фундаменталистов, японской тоталитарной секты «Аум Синрике», а также сикхских и тамильских сепаратистов, якобы испытавших влияние общемирового импульса религиозного радикализма, (некоторые из этих примеров тоже небесспорны, однако их детальное рассмотрение выведет нас за рамки рассматриваемой проблемы). Но, так или иначе, – указывает Рапопорт, – ислам образует «центральный элемент» четвертой волны [2]. И далее: «Исламские [террористические] группы осуществили наиболее масштабные и смертоносные теракты, имевшие широчайший международный эффект. Не менее важно то, что политические события, послужившие стимулом для четвертой волны, произошли в исламском мире, а успехи [исламских террористов],

очевидно, вызвали повсеместное возникновение террористических групп религиозного характера» [2].

К моменту представления Рапопортом своей теории (статьи с изложением ее принципов стали появляться в самом начале 2000-х гг. [14; 15]) наметились лишь первые признаки того, что Европа становится рассадником и полем деятельности для «доморощенных» джихадистов. Феномен европейского джихадизма остался за пределами предложенной Рапопортом схемы. Однако именно по причине своего позднего появления этот феномен – если волновая теория корректно описывает генезис и динамику террористического насилия – должен служить едва ли не идеальным примером распространения мировых волн терроризма. В свете нашего общего критического отношения к волновой теории желание проверить ее на таком примере представляется совершенно естественным.

По мнению Рапопорта, толчком к возникновению четвертой волны международного терроризма явились три события, пришедшиеся на 1979 г.: исламская революция в Иране, ввод советских войск в Афганистан и начало нового, пятнадцатого, столетия по мусульманскому календарю, с приближением которого у мусульман появились надежды на «очищение ислама», «восстановление истинной веры». События 1979 г. всколыхнули исламский мир, послужив одновременно свидетельством угрозы исламу со стороны «неверных» и стимулом к борьбе за веру. Одним из последствий этого всплеска стало появление в первой половине 1980-х гг. террористических организаций, начавших борьбу под исламскими лозунгами («Египетский исламский джихад», «Организация исламского джихада», «Хезболла»). Нарастание новой волны прежде всего обозначилось на Ближнем Востоке, откуда в 1980-2000-х гг. она распространилась на другие страны и регионы – от Афганистана и Пакистана до Восточной Африки и стран Тихоокеанского бассейна.

Европейских берегов волна исламского терроризма достигла в середине – второй половине 1990-х гг. Франция в 1994-1995 гг. подверглась атакам со стороны алжирской «Исламской вооруженной группы». В Германии, в Гамбурге, в 1998-1999 гг. возникла группа радикально настроенных иностранных студентов, впоследствии вошедшая в структуру базирующейся в Афганистане «Аль-Каиды». Члены этой т. н. «Гамбургской ячейки» прошли специальную подготовку в афганских лагерях и сыграли ключевую роль в терактах 11 сентября. Но удельный вес европейских мусульман как таковых в радикальной исламистской среде на данном этапе был еще невелик. Наконец, в середине 2000-х гг. уже «доморощенные» джихадисты заявили о себе знаковыми политическими убийствами и масштабными терактами (убийство голландского режиссера Тео ван Гога в 2004 г.; взрывы в Мадриде в 2004 г. и Лондоне в 2005 г.).

На первый взгляд, как уже было сказано, феномен европейского джихадизма вписывается в намеченную Рапопортом схему. Еще один американский эксперт, М. Сейджмен, называет «доморощенный» европейский джихадизм одной из «складок» (*ripple*) на поверхности волны религиозного терроризма [16]. Однако если

¹ Строго говоря, в действиях древнееврейских сикариев, боровшихся против римлян и евреев-коллаборантов, преобладало скорее националистическое начало (хоть и имевшее отчетливый религиозный колорит), а индийские туги, посвящавшие свои многочисленные убийства богине Кали, не ставили перед собой никаких иных задач, кроме сугубо ритуальных, и поэтому вообще оказываются за рамками каких бы то ни было дискуссий о терроризме. В этих примерах лишний раз проявляется отличающая Рапопорта вольность в обращении с фактами.

выйти за рамки этих широких, не столько аналитических, сколько описательно-метафорических конструкций, к волновой интерпретации европейского джихадизма сразу же возникают серьезные вопросы.

Логичным будет начать с вопроса о том, как именно сторонникам волновой теории видится механизм сохранения волнообразующего импульса 1979 г. в среде «доморощенных» европейских джихадистов. Можно ли всерьез говорить, что события, разыгравшиеся в практически незнакомой для нынешних молодых европейцев-мусульман части света – в Юго-Западной и Центральной Азии, – сохраняют и более четверти века спустя способность решающим образом влиять на потенциальных террористов? Этот вопрос тем более оправдан, если учесть, что изучение европейской джихадистской среды, джихадистской субкультуры с ее религиозной литературой, видео- и аудиозаписями, мартирологами и пр. не обнаруживает ни особого интереса к далеким событиям конца 1970-х – начала 1980-х гг., ни подчеркнутого пиетета к их участникам. На первом плане у европейских джихадистов злободневные темы противостояния стран Запада и «Аль-Каиды», войны в Афганистане, вторжения в Ирак, «арабской весны» т. д.

Сторонники волновой теории могут с готовностью возразить, что импульс 1979 г. – это не «вечный двигатель», а «перводвигатель», лишь запускающий длительную цепную реакцию. Таким образом, рассуждения об импульсе четвертьвековой (или более) давности не заслоняют позднейших событий. Справедливым, разумеется, будет объявлено и обратное: какими бы значительными ни были последующие события, они не умаляют значимости первотолчка. С этой точки зрения влияние, оказываемое на исламский мир более чем десятилетней войной в Ираке, может быть сколь угодно сильным, но эта война все равно остается лишь промежуточным звеном цепи, уходящей в 1979 г.

Однако подобные контраргументы станут лишней демонстрацией схематичности рассуждений сторонников волновой теории. Нельзя претендовать на глубокое понимание генезиса и динамики террористического насилия, довольствуясь фиксацией неких начальных «волнообразующих импульсов» и объясняя все дальнейшие процессы тривиальным «эффектом домино».

Никто не отрицает, что указанные Рапопортом события² оказали значительное влияние на исламский мир и что это влияние косвенно ощущается миллионами мусульман и сегодня. Бесспорна прямая связь между драматичными событиями 1979 г. и возникновением ряда террористических группировок религиозного толка, действия которых, в свою очередь, повлияли на генезис других, позднейших организаций. Но добавить что-нибудь еще к этой простой каузальной схеме сторонники волновой теории бессильны. Зная, что исламская революция в

Иране породила в 1980-х гг. ливанскую группировку «Хезболла», из чьих рядов вышли одни из первых террористов-смертников, мы мало что сможем понять в «генеалогии» и мотивах молодых жителей Британии, двадцать лет спустя взрывающих себя вместе со своими согражданами в вагонах лондонского метрополитена.

Но даже «воздав должное» новейшим конфликтам и их радикализирующему влиянию на европейских мусульман, мы должны будем ответить на вопрос, почему вообще происходящее в европейской мусульманской диаспоре объясняется в первую очередь дистантными импульсами, а не действием внутренних причин. Мы уже задавались подобным вопросом применительно к волновой теории в целом и отмечали, что рассуждения Рапопорта об универсальных волнообразующих импульсах при игнорировании им локальных факторов уводят в своего рода политическую «мистику» [12, с. 264-265].

Внутренняя жизнь западноевропейской мусульманской диаспоры и ее отдельных представителей, со временем становящихся террористами, заслуживает отдельного всестороннего исследования. Здесь же достаточно будет указать на некоторые основные моменты. Уже само определение «доморощенный», присвоенное интересующему нас феномену теми, кто специально изучает его, свидетельствует о том, что мы имеем дело с преимущественно эндогенным явлением.

Пытаясь вскрыть корни европейского джихадизма, исследователи настойчиво обращаются к отсутствию обнадеживающих экономических перспектив у многих представителей мусульманской диаспоры в Европе; отмечают проблемы «геттоизации» европейских мусульман и устойчивых ксенофобских настроений по отношению к мусульманам в среде коренных европейцев. К этому следует добавить разобщенность самих мусульман³, отсутствие в Западной Европе влиятельных политических сил исламского толка (возможно, подобных христианско-демократическим партиям), которые могли бы интегрировать мусульман в социально-политические системы западноевропейских стран и придать недовольству многих потенциальных джихадистов законный, конструктивный характер [17].

В таком контексте события на Ближнем Востоке или в Афганистане, тема непримиримой конфронтации между мусульманами и «неверными», фундаменталистские идеи и «уход в джихад» становятся для немалого числа европейских мусульман скорее внешней рамкой для оформления ранее созревшего чувства социокультурной отчужденности, чем первоначальным стимулом и источником воинственного рвения. В массе случаев «доморощенный» джихадизм – это суррогат отсутствующих возможностей и прочных привязанностей (показательно, что многие из будущих европейских джихадистов годами не проявляют никакого интереса не только к страданиям

² Влияние третьего из перечисленных Рапопортом событий – начала нового столетия по мусульманскому летосчислению – все же представляется сильно преувеличенным. Может показаться, что, упоминая о нем, Рапопорт просто хотел придать своим рассуждениям бóльшую замысловатость (что едва ли говорит в пользу его теории).

³ Сам термин «мусульманская диаспора», которым мы пользуемся здесь из соображений лаконичности, не совсем корректен, так как в нем теряются очевидные этнокультурные различия между выходцами из разных частей исламского мира (Северная Африка, Ближний Восток, Юго-Западная Азия), не говоря уже о религиозных различиях между мусульманами-суннитами и шиитами.

далеких братьев по вере, но и к базовым принципам религии своих предков, ведя типичный для молодых европейцев образ жизни со свойственными ему развлечениями, дурными привычками и излишествами).

Продвигаемая Рапопортом и его единомышленниками идея универсальных волнообразующих импульсов слишком абстрактна, чтобы служить надежным исследовательским инструментом. Максимум, что она может дать, – это указать на *некую связь* между событиями, выстраивающимися вдоль общего исторического вектора; напомнить нам о том, что определенные процессы восходят к далекому толчку. Затруднения, возникающие при попытке применить эту идею к феномену европейского джихадизма, наглядное тому подтверждение.

При всей своей важности рассмотренные проблемы могут восприниматься как предмет отвлеченного теоретизирования. Однако следующий вопрос имеет уже однозначно прикладное значение.

Рапопорт утверждает, что общий характер волны, определяемый первоначальным импульсом, непосредственно проявляется в практике террористов – в формах их организации, в используемых ими методах. Это вполне логично; более того, без попыток установить подобную взаимосвязь волновая теория представляла бы собой лишь набор общих фраз. Что, впрочем, не означает, что рассуждения Рапопорта по этому поводу не вызывают критики [12, с. 266-267]. Применительно же к интересующим нас европейским джихадистам нужно сказать следующее.

Рассуждая об организационной и тактической специфике религиозного терроризма, Рапопорт ограничивается указанием на сравнительную масштабность и устойчивость исламистских группировок, а также констатирует рост удельного веса самоубийственных атак (что он объясняет религиозным фанатизмом и надеждами на райское блаженство, ждущее шахидов) [2]. Однако именно в то время, когда Рапопорт выступал с подобными оценками, намечалась – и не в последнюю очередь в Европе – тенденция к децентрализации джихадистского подполья, к возникновению сетевых, «безлидерных» (*leaderless*) структур. Возможно, в сравнительной перспективе – это вообще важнейшая организационно-тактическая особенность современного джихадизма, оттесняющая на задний план даже самоубийственные теракты, аналоги которых, как замечает сам Рапопорт, уже встречались в истории терроризма. Относительно всех этих процессов волновая теория не говорит нам ничего.

Но дело даже не в том, что Рапопорт «поторопился» с публикацией своих работ, не осмыслил в них генезис джихадизма в Старом Свете, построил свои рассуждения на примере таких крупных организаций, как «Хезболла» или «Аль-Каида» до разгрома ее баз в 2001 г. (хотя само по себе показательное то, что, рассуждая о будущем исламского терроризма, Рапопорт упоминает Палестину и Кашмир, но ни словом не обмолвливается о Европе). Дело не только в том, что, уже имея возможность наблюдать за уничтожением афганских лагерей «Аль-Каиды» и ужесточением режима безопасности на Западе,

Рапопорт, тем не менее, не предугадал, как это может повлиять на террористический *modus operandi*.

Проблема в том, что в волновой теории вообще нет почвы для предположений о том, что исламисты двинутся (или хотя бы могут двинуться) по пути формирования аморфных сетей, не подчиняющихся ничьим приказам; автономных ячеек, объединяющих старых приятелей-единомышленников; установления виртуальных контактов с радикальными имамами; международного распространения экстремистского Интернет-контента и т. д. (к слову, в работе Рапопорта мы едва ли вообще встретим простое упоминание об Интернете, не говоря уже об анализе его влияния на тактику террористов). Отнюдь не безусловная, срабатывающая лишь от случая к случаю связь между размашистой волновой схемой и конкретикой террористической деятельности, отчетливо проявляющаяся при рассмотрении других разновидностей терроризма, безусловно, обнаруживается и на примере европейского джихадизма. Обозначить общий, религиозный, вектор ряда террористических организаций, установить, что их (во многом абстрактное) «родство» восходит к определенным событиям в прошлом – этого оказывается мало для того, чтобы понять, какие методы избирают террористы и, соответственно, на чем следует сосредоточить контртеррористические усилия.

Справедливости ради следует отметить, что, возможно, ни одна террологическая теория столь широкого охвата не способна решить эту сугубо практическую задачу. Возможно, часть критики, направляемой нами против волновой теории, следовало бы адресовать «большим теориям» как таковым. Так или иначе, это не повышает практической применимости собственно теории Рапопорта, остающейся в лучшем случае поверхностным описанием некоторых тенденций в сфере террористического насилия и пояснением к ним.

Выводы. Нами предпринята проверка положений популярной волновой теории трансформации терроризма, выдвинутой в начале 2000-х гг. профессором Д. Рапопортом. Материалом для данной проверки послужил феномен «доморощенного» европейского джихадизма, представляющий, согласно логике Рапопортовой теории, проявление религиозной, последней на сегодняшний день, волны террористического насилия.

Как представляется, на избранном материале в статье были продемонстрированы глубинные слабости волновой теории Рапопорта, крайне негативно сказывающиеся на ее способности раскрывать истинные движущие силы, лежащие в основе конкретно-исторических проявлений терроризма, а также на ее способности служить эффективным интеллектуальным инструментом противодействия терроризму и превентивного ослабления его зарождающихся новых форм.

Возможно, как попытка создать «большую теорию» генезиса и эволюции терроризма, волновая теория и заслуживает некоего «археографического» внимания. Однако в стремлении понять, как и в каком направлении развивается современный терроризм и что может быть противопоставлено этому развитию, мы должны обратиться к другим идеям и методам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crenshaw M. The Debate over «New» vs. «Old» Terrorism / M. Crenshaw // Values and Violence: Intangible Aspects of Terrorism / [A. Sen, A. Bilgrami, I. Karawan et al.] ; ed. by I. Karawan, W. McCormack and St. Reynolds. – Dordrecht : Springer, 2008. – P. 117–136.
2. Rapoport D. The Four Waves of Modern Terrorism / D. Rapoport [Electronic resource]. – Mode of access : <http://international.ucla.edu/media/files/Rapoport-Four-Waves-of-Modern-Terrorism.pdf>.
3. Simon J. Technological and Lone Operator Terrorism / J. Simon // Terrorism, Identity and Legitimacy: The Four Waves theory and political violence / [J. Rosenfeld, K. Rasler, W. Thompson et al.] ; ed. by J. Rosenfeld. – Abingdon : Routledge, 2011. – 262 p.
4. Ranstorp M. Mapping terrorism studies after 9/11 / M. Ranstorp // Critical Terrorism Studies: A New Research Agenda / [R. Jackson, M. Smyth, J. Gunning et al.] ; ed. by R. Jackson et al. – Abingdon : Routledge, 2009. – 274 p.
5. Networks, Terrorism and Global Insurgency / [G. Turbiville, St. Sloan, R. Bunker et al.] ; ed. by R. Bunker. – Abingdon : Routledge, 2005. – 211 p.
6. Root Causes of Terrorism / [T. Bjorgo, D. Gupta, J. Maleckova et al.] ; ed. by T. Bjorgo. – Abingdon : Routledge, 2005. – 269 p.
7. Values and Violence: Intangible Aspects of Terrorism / [A. Sen, A. Bilgrami, I. Karawan et al.] ; ed. by I. Karawan, W. McCormack and St. Reynolds. – Dordrecht : Springer, 2008. – 288 p.
8. Understanding Violent Radicalization: Terrorist and Jihadist Movements in Europe / [M. Ranstorp, R. Korteweg, S. Gohel et al.] ; ed. by M. Ranstorp. – Abingdon : Routledge, 2010. – 263 p.
9. Gupta D. Understanding Terrorism and Political Violence / D. Gupta. – Abingdon : Routledge, 2008. – 283 p.
10. Smith P. Fourth Wave of Terrorism and the International System: a dissertation submitted... for the degree of doctor of philosophy in political science / Smith Paul. – University of Hawaii, 2005. – 356 p.
11. Terrorism, Identity and Legitimacy: The Four Waves theory and political violence / [J. Rosenfeld, K. Rasler, W. Thompson et al.] ; ed. by J. Rosenfeld. – Abingdon : Routledge, 2011. – 262 p.
12. Прошин Д. В. Волны на мелководье: Критика волновой теории трансформации терроризма / Д. В. Прошин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2014. – Том 27 (66). – № 1. – С. 261–269.
13. Rapoport D. Fear and Trembling: Terrorism in Three Religious Traditions / David Rapoport // The American Political Science Review. – 1984. – Vol. 87. – № 3. – P. 658–677.
14. Rapoport D. The Four Waves of Rebel Terror and September 11 / David Rapoport // Anthropoetics. – 2002. – Vol. 8. – № 1. – P. 1–19.
15. Rapoport D. The Fourth Wave: September 11 in the History of Terrorism / David Rapoport // Current History: A Journal of Contemporary World Affairs. – 2001. – Vol. 100. – № 650. – P. 419–425.
16. Sageman M. Ripples in the waves: fantasies and fashions / M. Sageman // Terrorism, Identity and Legitimacy: The Four Waves theory and political violence / [J. Rosenfeld, K. Rasler, W. Thompson et al.] ; ed. by J. Rosenfeld. – Abingdon : Routledge, 2011. – P. 87–92.
17. Warner C. Religion and the Political Organization of Muslim in Europe / Carolyn Warner, Manfred Wenner // Perspectives on Politics. – 2006. – Vol. 4. – № 3. – P. 457–479.

Прошин Д. В.,

*Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля,
м. Дніпропетровськ, Україна*

ДЕВІД РАПОПОРТ, ТЕРОРИЗМ ЧЕТВЕРТОЇ ХВИЛІ ТА ЄВРОПЕЙСЬКІ ДЖИХАДИСТИ

На матеріалі т. зв. європейського «доморощеного джихадизму» у статті критикується відома хвильова теорія трансформації тероризму, висунута Д. Рапопортом. Автор виходить із того, що в тому разі, якщо хвильова теорія працює, вона повинна переконливо пояснювати феномен європейського джихадизму, який являє собою, згідно з логікою Рапопорта, частину четвертої – релігійної – хвилі тероризму (наразі останнього сплеску терористичного насильства). Однак проведений аналіз показує, що вона не здатна цього зробити, що їй бракує методологічної глибини і що вона в кращому випадку є схематичним – до того ж нерідко спотвореним – описом складних процесів генези та трансформації тероризму.

Ключові слова: хвильова теорія тероризму; тероризм четвертої хвилі; релігійний тероризм; європейський джихадизм.

D. Proshyn,

*Dnipropetrovsk Alfred Nobel University,
Dnipropetrovsk, Ukraine*

DAVID RAPOPORT, THE FOURTH WAVE TERRORISM AND EUROPEAN JIHADISTS

The Wave (or, alternatively, the Four Waves) theory authored by Professor David Rapoport is among most widely cited theories giving «whys» and «hows» on complex problem of the root causes and transformation of terrorism. According to this theory, since the 1880s «modern terrorism» has moved through four consequent stages (waves) all of them being of global scale

and each one being informed by the influence of a certain political and/or ideological impulse: anarchist wave; anti-colonial wave; «New Left» wave; and religious wave. All waves, Rapoport argues, last approximately forty years; all of them display internal homogeneity of political or ideological principles, strategy and tactics. According to Rapoport, even those terrorist organizations that emerge in the context alien to a dominating impulse are at least partially transformed by it (e. g., turning to tactical methods that appear with the arrival of a new wave of terrorist violence).

Rapoport's theory may seem to be thorough and well-grounded theoretical construction, and it is understandable why it has gained wide recognition in academic circles. However, as one discovers after a critical in-depth analysis, this initial favorable impression is mistaken for the most part. To start with, highly objectionable is the very idea of universal political impulses (by definition external to the absolute majority of local political conflicts) being capable of somehow «overriding» solid inner logic and dynamics even of those local conflicts that do not belong to a current wave. Introducing the idea of a wave-forming world impulse and ignoring the key role of local political factors in the genesis and/or transformation of terrorist organizations Rapoport, one might say, lapses into something that can be called «political mysticism». Rapoport also does not give any convincing evidence of direct connection between particular political (ideological) impulses and specific terrorist tactics which further undermines his assertions of terrorist violence taking form of clear-cut uniform waves.

The author has already published an article (from which some of aforementioned positions were borrowed) containing general critical observations on basic tenets of the Four Waves theory. The goal of the present article is to «narrow the focus» and test the Rapoportean theory against the particular case of so called homegrown jihadism (i. e. Islamic terrorism perpetrated mostly on the European soil by those Muslims who either were born in Europe or have been living there for a long time). Rapoport proposed his theory early in the 2000s, before European jihadism became clearly visible and highly dangerous phenomenon, and homegrown jihadists are never mentioned in Rapoportean writings. While it leaves the door open for the doubts about prognostic potential of the Four Waves theory, it is not this author's main intention to criticize Rapoport for his failing to see a new danger coming. As it is demonstrated in the article, testing Rapoport's suggestions against the case of homegrown jihadism first of all points at the already established fundamental weakness of the Four Waves theory. This weakness is in its inability to convincingly explain why and how different historic types of terrorism emerge and what forces behind particular cases of terrorist violence are. Even if Rapoport's theory included European jihadists, it still would be impossible to trace the genealogical link (except the trivial everything-is-connected-to-everything domino effect) between homegrown jihad (which by definition falls within the framework of the fourth, or religious, wave of terrorism) and those events Rapoport cites as the impulse driving this wave. In other words, it is one more example of «political mysticism» to argue that extremist ideas and terrorist actions of the 21st century Muslim youths in Britain or Netherlands could be sufficiently explained by connecting them to the events of the Iranian revolution or the Soviet invasion of Afghanistan (both dating back to 1979). What else, except such «mysticism», could explain how that 1979 impulse retained its power to inform somebody's actions after 35 years and completely outside the original historical and geographical context? Yet, if we were to accept Rapoport's arguments, we should have favor these very explanations while ignoring such factors as political marginalization of the significant share of European Muslims and the growth of xenophobia on the part of non-Muslim Europeans, cultural alienation of young European Muslims and – to name some foreign impulses – not chronologically and psychologically distant events of the late 1970s but the U. S. invasion of Afghanistan and Iraq in the early 2000s, the Arab Spring and the Syrian civil war.

Keywords: the Four Waves theory of terrorism; the fourth wave terrorism; religious terrorism; European jihadism.

Рецензенти: Турчин Я. Б., д. політ. н., доцент, Національний університет «Львівська політехніка», м. Львів;
Бобіна О. В., к. і. н., доцент, Національний університет кораблебудування імені адмірала
Макарова, м. Миколаїв.